НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ...

Справедливо подчас говорят: разделилась жизнь человека на две части. Судьбу Ильи Александровича Анкудинова война тоже резанула на две неравные доли. На «до» и «после».

«До» — это мирное деревенское детство в селе Чуварлеи Алатырского района. «После» — Магнитка. Были у него в довоенной жизни отец, добрая мама, три брата и сестра. «После» остались лишь сестра да брат. Отец погиб под бомбежкой, не доехав до фронта, брат, офицер-танкист, пал в боях на Западной Украине. Да и мать недолго после таких потрясений протянула...

Вот ведь как бывает: жил себе человек — за окном деревенского дома чистый бор шумел, катилась хрустальная речка, ласково прозванная Алатыркой. А занесло его век доживать из благодатных краев в дымную Магнитку. И стал сельский парень железнодорожником. В трудовой книжке И.А. Анкудинова только две записи: принят в цех пути ЖДТ и вышел на пенсию.

Но все это уже после войны. А она, проклятая, несла его в своем кровавом водовороте от подмосковного Можайска через Белоруссию и Польшу до самого фашистского логова. Вот они, немые свидетели тех лет: медали «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За освобождение Киева», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». В армию призвали Илью Александровича в сороковом. Провожали под гармошку, всем селом. Кабы тогда уже знать наверняка, куда провожали, сколько бы слов было сказано по-другому... Направили его в полковую школу на Дальний Восток. Стал Анкудинов сержантом, командиром отделения. А вскоре его принял 75-й мотострелковый батальон. В начале сорок первого их армейскую «семью» направили на Украину, во Львов, строить железную дорогу в сторону Киева. А к июлю подкатила проклятая война к «стольному граду Киеву». Вот и пришлось строителям взрывать мосты, рушить дороги, которые сами же несколькими месяцами раньше возводили. «Под откос» пускали вокзалы, водонапорные башни. И следы свои при отступлении «засевали» «подарочками» для немцев — минами. К ноябрю первого года войны перебросили часть, где служил сержант Анкудинов, в Московскую область. Отсюда и погнали чужаков с родной земли. Но теперь уже приходилось прямо под бомбежкой строить временные мосты, прокладывать новые железные дороги. Всякого навидался за эти трудные годы Илья Александрович. И ратная его работа закончилась не в победном сорок пятом, а много позже: ведь столько нужно было еще достроить, восстановить... Словом, когда в 1956 году для старшего лейтенанта Анкудинова пришло время демобилизоваться из армии, понял он, что некуда ему возвращаться: гнездо разорено. Написал письмо в Магнитку своему армейскому другу Н. Крючкову: так, мол, и так, прибиться где-то надо. Ответ не заставил себя долго ждать: приезжай, крыша над головой есть, работу найдем. Вот так и стал Илья Александрович магнитогорцем. Работал машинистом снегоуборочной машины, потом — «машинистил» на дрезине ДГКУ. И про общественные дела не забывал: несколько лет вел спортивно-массовую работу в своем коллективе. В те годы спортсмены цеха частенько брали призовые места. За добросовестный труд Илья Александрович Анкудинов награжден орденом Трудового Красного Знамени, удостоен звания «Ветеран труда Российской Федерации». И продолжается судьба ветерана войны и труда в третьей ипостаси — пенсионера, которого и на заслуженном отдыхе заботит день сегодняшний. Дай Бог, чтобы длился этот день подольше.

С. МАЛЫШ,
ветеран ММК.

МЫ ПОМНИМ ТЕБЯ, ВЕТЕРАН!

Совсем немного не дожил до нынешнего Дня Победы танкист, гвардии полковник Иван Егорович Егоров — участник Парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 года.

Незадолго перед войной, в 1940 году, его направили на переподготовку в ленинградское танковое училище. С началом войны на базе этого училища был сформирован отдельный бронетанковый отряд, который участвовал в тяжелых боях при обороне Кингисеппа. В качестве командира танкового взвода на дальних подступах к Ленинграду, под Царским Селом, Иван Егоров был впервые ранен. Танк был потерян, а сам он больше месяца провалялся в тыловом госпитале.

Затем — первая танковая бригада полковника Катукова. 7 ноября 1941 года его рота в числе других прошла суровым парадом по Красной площади и отправилась прямо на фронт.

Заснеженное Подмосковье. В очередном бою перед ротой Егорова была поставлена ответственная задача — прорваться вглубь обороны противника и дезорганизовать систему огня. Маневренные «тридцатьчетверки» и могучие «КВ» уничтожили огнем и раздавили гусеницами сотни метров траншей, несколько дзотов и орудий, нанесли ощутимый урон живой силе противника. Пруд, через который они возвращались после успешного выполнения задания, был покрыт льдом, пробитым во многих местах разрывами мин и снарядов. Головные машины благополучно прошли его, а тяжелый «КВ», на котором Иван Егорович прикрывал отход роты, у самого берега провалился в воду. Артиллерия противника тут же отсекла его от остальных танков. Подоспевшие немецкие автоматчики попытались открыть люки, стучали в броню, предлагая танкистам сдаться. В ответ — молчание. Вскоре к берегу немцы подогнали свой танк и зацепили наш тросом, желая доставить его вместе с экипажем в свое расположение. Через несколько минут наш танк был-таки вытянут из пруда (механик-водитель предусмотрительно отпустил тормоза и переключился на нейтралку) и медленно пополз за немецким. Но в удобный момент, на подъеме, «КВ» развернул пушку на «фашиста», завел мотор и на полном газу, гудя от напряжения, потянул его в нашу сторону навстречу спешившим машинам однополчан...

Личный состав экипажа был представлен к правительственным наградам.

В июне 1942 года танк Егорова был подбит. Тяжело раненного, с ожогами рук, ног и лица Егорова доставили в госпиталь. Три с половиной месяца лежал в подвесной койке без движения. Кисти рук не заживали. Решение врачей было однозначным — ампутация. Но он отказался от операции: или смерть от гангрены, или жизнь с руками. Упорство, воля и жизнелюбие помогли победить недуг.

После завершения курса лечения — Магнитогорск. Друзья приодели, как смогли, устроили инспектором в военкомат. За бои под Москвой Иван Егоров был награжден орденом боевого Красного Знамени. Но награда долго не могла его найти. И вот наконец вызвали его в Свердловск для вручения ордена. Там и встретил боевого товарища, который приехал тоже за наградой, а затем – получать боевые машины в Нижнем Тагиле. Телеграмма в Магнитку была короткой: «Отзывают на фронт». И уже в июне 1943-го он снова попал в танковую армию Катукова, в свою родную 237-ю танковую бригаду. Затем была Крская дуга и награда за нее — орден Красной Звезды, Корсунь-Шевченковская операция, после которой он стал командиром батальона. Под Львовом был в очередной раз ранен в руку, но продолжал воевать. Выбивал гитлеровцев из Карпат и Франкфурта-на-Одере, где опять был ранен в руку и ногу. Снова госпиталь... Но с января 1945 года вновь участвовал в боях в Польше, в битве за Берлин, в освобождении Праги...

Красная площадь. Парад Победы. Грудь нашего земляка украшают шесть боевых орденов и многие медали. Сводный полк Четвертого Украинского фронта возглавляет командующий фронтом генерал армии А. И. Еременко. Следом за ним, в первой шеренге старших офицеров шагает он — гвардии полковник танковых войск Иван Егорович Егоров...

Почти три месяца его нет с нами. Но мы помним тебя, ветеран!

А. ПАВЛОВ.

ДАЛЕКО ЗА СТЕПНЫМИ ПРОСТОРАМИ...

Судьба Алексея Антоновича Зайцева сложилась как и у большинства мужчин его поколения, родившихся в двадцать втором году.

В тридцатом году в станице Магнитной Алексей пошел в школу, а после окончания восьми классов поступил работать в литейный цех комбината. Здесь и встретил начало войны. Сразу же был призван в армию, окончил Алма-Атинское пехотное училище — и на фронт. Воевал в должности командира взвода во втором батальоне 299-го стрелкового полка 29-й стрелковой дивизии. При налете авиации был контужен и ранен в правую ногу. В полевом госпитале 15 суток не приходил в себя. Посещали земляки-однополчане, магнитогорцы Гера Корохтин, Аркадий Ильин, другие офицеры. Упросили начальника госпиталя не отправлять Алексея в тыл...

Вскоре дивизия была переброшена на Сталинградское направление, на западный берег Дона. В это время немцы начали наступление на юге. После нескольких дней пребывания в болотах переправились на восточный берег Дона и начали создавать укрепрайон. Командир батальона вызвал к себе командиров взводов и предложил найти желающих «прогуляться» на другой берег за «языком». За офицера — орден, за рядового — медаль. Алексей с бойцами Самыгиным, Кощановым, Семеновым и сержантом Дьяченко решили провернуть это дело. Через Дон переправились на лодке, подошли к озеру и так же пересекли его. Углубились в большой сад, по ходу наевшись яблок и слив. Вскоре послышался шум мотора. Рассредоточились и приготовились к бою. Подъехала легковушка с четырьмя немцами и мотоцикл. Фашисты тоже стали лакомиться фруктами. Машину и мотоцикл забросали гранатами, четверых немцев застрелили, а двоих, более элегантных, взяли в плен. Один из них был офицером. Лодка семерых взять не могла, поэтому второго связали, заткнули рот кляпом и, оставив его на берегу, отплыли с пленным офицером. Уже почти у противоположного берега их обнаружили, открыли массированный огонь. Но было уже поздно. Успели. На всю группу были оформлены наградные листы.

В боевом охранении на западном берегу Дона приходилось быть без смены по двоетрое суток. Было трудно с питанием и боеприпасами. Предприми немцы наступление на этом участке — взвод погиб бы сразу, так как переправиться через Дон под огнем противника было невозможно, продержаться до ночи — тоже. Хотя и ночью переправа постоянно освещалась ракетами.

23 июля в 23 часа какой-то человек со стороны расположения немцев стал просить не стрелять и пропустить к нашим позициям. Это оказался майор штаба нашей 21-й армии, попавшей в окружение и потерявшей связь с войсками. 25 человек со знаменами и документами прорвались на этом участке к Дону. Все они были вооружены, просили их не разоружать. Это было чревато и для них, и для Алексея большими неприятностями. Он принял решение пропускать их группами по три человека. Звания были разные — от полковника до рядового. По прибытии в батальон Алексея вызвали к комбату. За операцию по бескровному пропуску штаба 21-й армии Алексей и несколько бойцов были представлены к наградам...

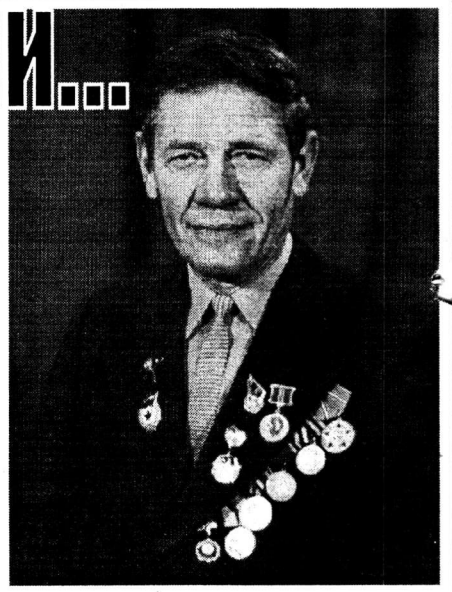
В августе окончательно перешли на подготовленные позиции на восточном берегу Дона. Немцы перешли в наступление в районе станций Верхне-и Нижне-Курмоярская, и полк оказался отрезанным от остальных частей. В районе деревни Плесы немцы зашли во фланг и стали косить из пулеметов. Полк нес большие потери. Комбат приказал взводу Алексея уничтожить эти огневые точки. Часть их была подавлена отделениями, но против расположения Алексея появился станковый пулемет. Удалось уничтожить его гранатами. Вместе с сержантом Дьяченко, красноармейцами Самыгиным, Кощановым и Семеновым заняли господствующую высотку и начали вести с нее обстрел. Враг сосредоточил сильный минометный огонь по высотке. Погибли Самыгин и Кощанов. Сам Алексей, Дьяченко и Семенов получили серьезные ранения, но его товарищи еще могли двигаться, и он послал их за подкреплением. Но никто не возвращался. Прошло немного времени, и гитлеровцы заняли высотку. Алексей остался один. Не повиновалась правая рука, повреждены были плечо и шея. Встать он не мог. Немцы не подходили, видимо, считая всех убитыми. Страшно хотелось пить. Превозмогая боль, начал перекатываться с высотки вниз, удаляясь от врага. Темная ночь спасла Алексея. Наткнулся на трех уцелевших бойцов, которые и помогли добраться до своего расположения. Почти все в роте были ранены. Четыре дня Алексею как лейтенанту пришлось командовать ротой. Перевязки не помогали, нечем было обработать раны, и на пятый день отступления в плече и шее завелись черви, тело стало покрываться синими волдырями. В ночь на 6 сентября Алексея отправили на лошади в Сталинград...

В полевом госпитале погрузили на плот для отплытия в Куйбышев. Но плот и баржу разбомбила немецкая авиация. Многие погибли, некоторых, в том числе и Алексея, выловили и посадили на катер. Куйбышев, Караганда. Рана на шее закрылась, но рука не работала. Комиссия определила инвалидность второй группы.

12 декабря 1942 года в кабинете начальника госпиталя полковник Средне-Азиатского военного округа уговорил Алексея в должности командира взвода обучать молодых солдат пехотного училища, пообещав 10 суток отпуска на родину. Можно представить радость родных и близких, которым уже пришло извещение о том, что Алексей пропал без вести под Сталинградом.

После окончания курсов «Выстрел» служил командиром стрелковой роты в Чирчикстрое, затем командиром роты в Харьковском военно-медицинском училище...

После демобилизации вернулся в родную станицу Магнитную, устроился работать в горнорудное управление ММК. Но ранения и целый букет болезней, заработанных на фронте, давали себя знать. Был назначен управляющим в совхоз «Муравейник». Затем перешел работать в Гумбейский совхоз управляющим 4-го отделения. После войны здесь было нелегкое положение: не хватало жилья, рабочих рук. Пришлось добиться установки передвижной электростанции, в каждом доме появился свет. Надои молока увеличились с 900 до 1700 литров в год с каждой коровы. Механизировали переработку зерна. Улучшили его очистку и сушку. Построили несколько двухквартирных домов. Весь навоз, скопленный за всю войну,



был вывезен на поля. В 1950 году Челябинская область увеличила урожайность зерна с 7-8 центнеров с гектара до 16, а Петропавловский совхоз со многих тысяч гектаров получил по 21 центнеру. Потому-то совхоз и участвовал тогда в сельскохозяйственной выставке в Москве. В 1955 году стали объединять колхозы и организовывать МТС. Вся техника должна была ремонтироваться на машинно-тракторных станциях. Вскоре четвертое отделение Гумбейского совхоза было признано лучшим в Нагайбакском районе. Алексею Антоновичу Зайцеву предложили работать секретарем парткома Нагайбакской МТС. К этому времени у него уже росли четверо детей. В Фершампенуазе ему выделили финский домик, мотоцикл и положили оклад в 1300 рублей.

Так и трудился, но уже на сельском поприще, фронтовик Зайцев, отдавая всего себя новому делу. Давно он уже на заслуженном отдыхе, но по-прежнему бодр, энергичен и жизнерадостен. Такова уж у них, фронтовиков, закалка. Радуйся каждому новому дню, отпущенному Богом, делай свое посильное дело во благо людей. Далеко-далеко за степными просторами осталась война, но в памяти она всегда рядом, обжигает и напоминает о себе старыми ранами.

А. ПАШИН.